

Ю. К. Кузьменко

ПРОИСХОЖДЕНИЕ БАЛАНСА ГЛАСНЫХ В ШВЕДСКИХ И НОРВЕЖСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Описание баланса гласных

Термином «баланс гласных» (швед. *vokalbalans*, норв. *likevekt*) обозначают зависимость качества или долготы гласных второго слога от исконной долготы первого слога. В древнешведских и древненорвежских памятниках баланс гласных заключается в чередовании а, і, у после краткого (одноморного) слога с œ, е, о после долгого (двуморного) слога, ср.: др.-шв. *kastœ, husœ, moþer, tungo, landom*, но *œera, tala guþi, gatu, faþir laghum*, др.-норв. *sœndœ, hœyrœ*, но *gera, vita*¹. В современных диалектах баланс гласных имеет разную реализацию особенно в том, что касается отражения рефлекса исконного закорневого а. См., например:

После исконного краткого	После долгого слога
<i>baka</i>	<i>kasta</i> др.-исл. (без баланса)
<i>bå'kå:</i>	<i>kaste/a</i> (Vägä, Oppland)
<i>bå'kå:</i>	<i>kaste</i> (Tinn, Telemark)
<i>ba'kå</i>	<i>kasta</i> (Mora, Dalarna)

¹ *Noreen A.* Geschichte der nordischen Sprachen. Strassburg, 1913. S. 127; *Wessén E.* Svensk språkhistoria. Stockholm, 1941. S. 41; *Seip D. A., Saltveit L.* Norwegische Sprachgeschichte. Berlin, 1971. S. 110.

После исконного краткого	После долгого слога
baká	kast (Houtskär, Finland)
báká	kasta (Dalarna, Hjäledalen)
baka	kaste ~ kast' (Norrländ)
bákká	kast (Oppdal, Trøndelag)
bákká	kaste (Ålen, Trøndelag)
báká	kaste ² (Numedal, Buskerud)

Исконное закорневое а может выступать и в виде качественного чередования а после исконных долгих слогов с å после исконных кратких слогов, и в виде чередования апокопированных или редуцированных форм после исконных долгих слогов с å после исконных кратких слогов, и в виде качественно-количественного чередования а — a:, а — å:, где после краткого слога стоит ударный долгий гласный. Наиболее заметно проявляются балансные чередования гласных в инфинитивах глаголов и формах существительных; ср., например: vårtå «быть», др.-исл. vera, hårtå «заяц», (др.-исл. hara, косв. падежи), kast' «бросать» (др.-исл. kasta), ví:'s «строфа» (др.-исл. vísa) в говоре Оппдала³. В части диалектов баланс гласных затрагивает только глаголы, но не существительные. В норвежской диалектологической традиции есть даже термин «расщепленный инфинитив» (kløyvd infinitiv), обозначающий разные формы инфинитива в зависимости от баланса гласных⁴.

Обычно к диалектам с балансом гласных относят и диалекты с сохранившейся краткосложностью, там, где балансные чередования являются регулярными и живыми, ср., например: tålå, no tælœr (др.-исл. tala — talar), dråpeå, no dripi (др.-исл. drepa — drepit), и те диалекты, в

² Storm J. Norsk Lydskrift med Omrids af Fonetiken // Norvegia. 1. Kristiania, 1908. S. 62–63; Øverby J. Målføra på indre Austlandet // Austlandsmål / Red. av O. Skogstad. Oslo, 1974. S. 13–14; Levander L. Dalmålet: Beskrivning och historia. I–II. Uppsala, 1925–1928. S. 225–228; Kock A. Långa ändelsevokaler i det nordiska fornspråket // Arkiv för nordisk filologi. 1888. Bd. 4. S. 89; Neuman E. Utbredningen av vokalsbalansen a — å i medel-svenskan. Uppsala, 1918. S. 1; Dahlstedt K.-H. Efterledsapokope i nordsvenska dialekter. Uppsala, København, 1955. S. 7–8; Haugen E. Oppdalsmålet. Innføring i et sørtrøndsk fjellbygdsmål. Oslo, 1982. S. 49; Reitan J. Aalens maalføre. Christiania, 1906. S. 4; Hoff I. Numedalsmålet. Oslo, 1949. S. 38. В транскрипции скандинавских и саамских примеров в данной статье я старался, насколько возможно, следовать транскрипции источника.

³ Haugen E. Op. cit. S. 49.

⁴ Øverby J. Op. cit. S. 14.

которых произошло удлинение корневого слога, т. е. там, где частично сохраняются балансные чередования гласных, которые, однако, сейчас уже не связаны с краткостью предшествующего слога, а являются лексикализованными (историческими) чередованиями, ср., например, *båkå* в диалектах Трёнденлага или *bå:kå* в Телемарке. В таких диалектах наблюдаются нарушения исконного распределения заударных гласных, во многих исконных краткосложных словах генерализуется безударный вокализм исконных долгосложных форм или появляются другие типы, ср., например, норвежский диалект Рёруса, где возможны три типа инфинитива: *våttå*, *ba:ka*, *drikke*, др.-исл. *vita*, *baka*, *drekka*⁵. Первый этап такого вытеснения показывает нам, например, северонорвежский диалект Раны, где произошло удлинение исконных кратких слогов. Часть исконных краткосложных глаголов отличается в инфинитиве от исконных долгосложных глаголов, претерпевших апокопу, ср.: *ja:ga*, *ve:ta* (др.-исл. *jaga*, *vita*), но *drekk*, *fly:g*, *sju:t* (др.-исл. *drekka*, *fljúga*). Значительная часть исконных краткосложных глаголов уже имеет наряду с исконной балансной формой вариантную апокопированную форму: *le:va* ~ *le:v*, *sø:va* ~ *sø:v* (др.-исл. *lifa*, *sofa*)⁶. В синхронном плане следует, вероятно, говорить о балансе гласных только в случае сохранения исконной краткосложности, в диалектах с удлинением исконных кратких слогов можно говорить только о следах баланса гласных.

В диалектах с сохраняющейся краткосложностью можно наблюдать два типа баланса гласных. Наиболее распространенный тип баланса гласных сопровождается существованием так называемого равновесного акцента в двусложных краткосложных словах типа *tala*, *viku*. В этих словах ударение и высота тона равномерно распределены и на первом, и на втором слогах. Такой тип ударения очень точно обозначается шведским термином *jämnviktsaccent* и норвежским *likevekt*. Функция равновесного акцента — выделение биморного комплекса в краткосложных двусложных словах (*tala*, *viku*) и его просодическое приравнивание долгосложным слогам в словах типа *kasta*, *bíta*. Таким образом, выделенными ударением в диалектах с балансом гласных оказываются не только биморный слог в исконных догосложных словах (*kas-te*, *bi:-te*), но и две моры в двусложных биморных словах типа *tala*. Такое просодическое выделе-

⁵ *Reitan J. Rørosmålet. Trondheim, 1932. S. 155–156.*

⁶ *Elstad K. Nordnorske dialektar // Nordnorsk. Språkforhold i Nord-Noreg / Red. av T. Bull og K. Jetne. Oslo, 1982. S. 50.*

ние приводит к тому, что либо все, что находится за пределами двух мор, редуцируется или вовсе апокопируется, ср., апокопу или редукцию третьей моры в словах типа *kasta* > *kaste* ~ *kâst*, *bi:ta* > *bi:te* ~ *bî:t*, но *tala*, либо то, что находится в пределах двух мор, усиливается, т. е. становится менее сонорным (ср.: *kasta*, *bi:ta*, но *tâlâ*). Объединение двух кратких гласных (двух мор) в словах типа *vita* в единый ударный биморный комплекс и их просодическое приравнение долгим (биморным) гласным проявляются и в качественном уподоблении двух кратких равноударных гласных (норв. *jamning*) (ср.: *viku* > *vuku*, *vita* > *vâtâ*), которое в разной степени характерно для всех диалектов с балансом гласных.

Существует, однако, и другая, считающаяся более архаичной, форма баланса гласных. В некоторых восточнорвежских диалектах и в части говоров Даларны различие между словами с краткими и долгими корневыми слогами выражается прежде всего в количестве закорневого слога. Исконные слова типа CVCV имеют здесь долгую закорневую гласную и, соответственно, ударение на этой закорневой гласной (окситонезу), ср.: *vi'ku:* (др.-исл. *viku*), *stu'gu:* (др.-исл. *stugu*), *noe'va:* (др.-исл. *hnefi*), *loe'sa:* (др.-исл. *lesa*), *ny'ky:l* (др.-исл. *lykill*) в говоре Вого (*Vågâ*) в Гудбрандсдалене или *vi'ku:*, *ne've:*, *by'tâ:* (Pl. von *biti*: «*Stück*»), *vy'tâ:* (др.-исл. *vita*) в северо-восточном Телемарке⁷. Окситонеза характерна и для некоторых говоров Даларны в Швеции (ср., например, формы *bâkâ'*, *lesâ'*, *fârâ'*, *såvâ'* в говоре Фэрнес в Муре⁸). По-видимому, раньше зона распространения окситонезы и долготы закорневого слога была гораздо больше. Об этом свидетельствует существование *â* на месте исконного *a* в исконных краткосложных словах (ср. норв., шв. диал. *vâtâtâ*, *vâ:tâtâ*, *vâtâ*, *vîtâ*, др.-исл. *vita*) во многих шведских и норвежских диалектах. Поскольку долгое /a:/ в континентальных скандинавских языках переходило в *â* /o:/ (как, например, в словах типа *âr*, *â*, *mål*, др.-исл. *ár*, *á*, *mál*), предполагается, что и во втором слоге слов типа CVCV происходило вначале удлинение гласного *a*, затем переход долгого /a:/ в /o:/. Впоследствии /o:/ второго слога сократилось (*tâlâ:* > *tâlâ*), но сохранило свое качество в большой группе диалектов, т. е. баланс гласных вначале имел вид *ta'la*: — *kasta* с долгим /a:/ и окситонезой

⁷ *Storm J.* Op. cit. S. 62–63; *Skulrerud O.* *Tinnsmålet*. Oslo, 1938. S. 170; *Kolsrud S.* *Nynorsken i sine målføre*. Oslo, 1974. S. 10–11; *Schultze J. A.* *Eit eldre jamningstilhøve i vest-vikversk*. Oslo; Bergen; Tromsø, 1972. S. 11–22.

⁸ *Levander L.* Op. cit. S. 225–228, 232.

в исконных краткосложных словах, затем долгое *a:* второго слога перешло в *å*. Этапы перехода *tala* > *tålå* должны были выглядеть следующим образом: *tala* > *tala:* > *talå:* > *tålå:* > *tålå*. Такое предположение, выдвинутое еще Акселем Кокком⁹, было поддержано большинством скандинавских ученых¹⁰. Баланс в окситонезой, характерный для архаичных норвежских и шведских диалектов, сменился затем в большинстве диалектов более распространенным теперь балансом с равновесным биморным акцентом (*tala*, *tålå*, но *kaste*). Против этого объяснения выступил Б. Хессельман¹¹, который отрицал исконное удлинение гласного второго слога в словах типа *tala*, а считал, что различие в закорневом гласном в парах типа *tala* — *kasta* в древних скандинавских языках заключалось не в длительности, а, подобно балансу *u/o*, *i/e*, в степени подъема. Таким образом, более узкий вариант /a/ после кратких слогов в *tala* в момент перехода /a:/ > /o:/ стал качественно ассоциироваться с исконным долгим /a:/ и перешел в /o:/. Гипотеза Хессельмана нашла ряд сторонников¹², однако не снискала общей поддержки. Прежде всего, вероятно, потому, что традиционное предположение об удлинении второго гласного основывается не только на сравнении *tala* > *talå* с изменением исконного долгого /a:/ (*a:r* > *å:r*), а принимает во внимание современные диалекты с окситонезой и удлинением второго слога после исконного краткого слога (см. выше). Данные современных архаичных диалектов, в которых можно найти все предполагаемые этапы изменения *tala* > *talå* (т. е. *tala*, *tala:*, *talå:*, *tålå:*, *tålå*), показывают, что традиционное, восходящее к Кокку, объяснение изменения *a* > *å* (*vita* > *vitå*) в закорневом слоге вряд ли устарело.

Распространение и возраст баланса гласных

Баланс гласных оказывается одной из важных изоглосс диалектного членения. Вместе с качественным выравниванием (шв. *tilljämning*, норв. *jamning*), частичным или полным как в Трэнделаге удли-

⁹ Kock A. Op. cit. S. 87–89.

¹⁰ См., напр.: Neuman E. Op. cit. S. 1; Reitan J. Aalens maalføre. S. 24; Seip D. A., Saltveit L. Op. cit. S. 111; Wessén E. Op. cit. S. 42.

¹¹ Hesselman B. Huvudlinjer i nordisk språkhistoria. Uppsala; Stockholm; Oslo; København, 1948–1953. S. 256.

¹² Bergfor E. O. Tilljämning a — å i dalmålet. Stockholm, 1961. S. 23; Borg A. Jamning // Svenska landsmål och svenskt folkliv. 1973. N 298. S. 91–95.

нением согласных, «толстым» I, североскандинавской палатализацией и рядом других изоглосс баланс гласных характеризует большой северо-восточнскандинавский диалектный ареал¹³. Причем между некоторыми северо-восточнскандинавскими изоглоссами существует и причинно-следственная связь. Баланс гласных не только географически связан с качественным выравниванием (границы их распространения почти совпадают). Качественное выравнивание, связывающее в единый качественный комплекс две моры краткосложного слова (*viku* > *vuku*; *vita* > *vâtå*, *vata*), подчеркивает просодическую равнозначность двух мор в двух слогах типа CVCV двум морам в одном слоге долгосложного слова (*bi:-ta*)¹⁴.

Баланс гласных и его следы мы встречаем в значительной части восточной Норвегии, в Трёнделаге, в части северонорвежских диалектов (Брённей, Рана в Хелгеланде; Барду и Молсэльв в Тромсе¹⁵), в восточно-, северо- и центральношведских диалектах. Следы баланса гласных в современных шведских диалектах можно найти и в Уппланде, и в Сёдерманланде¹⁶. Из современных скандинавских литературных норм только один из неосновных вариантов новонорвежского отражает баланс гласных. В современной шведской литературной норме следы баланса гласных сохраняются только в сложных словах типа *ladugård*, *furuskog*, *gatudörr*, но *kyrkogård*, *tungomål*.

Судя по данным памятников, раньше баланс гласных был распространен на гораздо большей территории. Примеры баланса гласных находят в древнешведских памятниках тех областей, где сегодня его не отмечают¹⁷. Считается, что баланс гласных прежде был характерен для большей части Швеции¹⁸. Э. Нойман отмечает, что памятники показывают, что баланс а — å в среднешведское время, т. е. в XIV–XV вв., был характерен для всей средней Швеции¹⁹. Первые примеры баланса гласных в Швеции относят к концу XIV в. (ср., например, формы *gangœ*, *niutœ*, *kørœ*, но *fara*, *giva*, *bœra*, *mofer*, но *faþir* в Привилегиях

¹³ Ср., напр.: *Haugen E.* Die skandinavischen Sprachen. Hamburg, 1984. S. 329, Karte 12; *Torp A.* Nokre tankar om inndeling av folkemålet i Skandinavia // *Folkmålsstudier*. 1983. N 28. S. 45–92.

¹⁴ *Кузьменко Ю. К.* Фонологическая эволюция германских языков. Л., 1991. С. 20–22.

¹⁵ *Elstad K.* Op. cit. S. 45, 50, 63.

¹⁶ *Hesselman B.* Sveamålen och de svenska dialekternas indelning. Uppsala, 1905. S. 16.

¹⁷ *Ibid.* S. 8; *Wessén E.* Op. cit. S. 42.

¹⁸ *Wessén E.* Op. cit. S. 43.

¹⁹ *Neuman E.* Op. cit. S. 88.

Коппарберга и Кодексе Буреанус (1350–1375)²⁰. К этому же времени относят первые примеры баланса гласных в Трёнделаге и восточной Норвегии²¹. М. Хэгст объяснял разное поведение закорневых гласных в восточной Норвегии и Трёнделаге, с одной стороны, и в западной Норвегии — с другой, тем, что на востоке и в Трёнделаге ударение на корневом слоге долгосложных слов было бóльшим, чем в западной Норвегии, а в исконных краткосложных словах отмечалось равновесие или даже окситонеза. В XIV в. ударение в краткосложных словах было таким слабым, что качество ставшего долгим заударного гласного повлияло на качество корневого гласного, ср.: *snaru*: > *snuru*²².

Баланс в словах в закорневым а в меньшей степени отразился в памятниках, поскольку графика не различала количественные противопоставления, а после изменения /a:/ > /o:/ нерегулярно обозначала и качественные противопоставления, однако в ряде рукописей есть формы, которые интерпретируются как формы с балансом (*bäro* < *bera*, *komo* < *koma*, *livo* < *liva*)²³.

Формы с балансом гласных и метафонией в диалектах с удлинением старых двусложных краткосложных слов постепенно вытесняются формами без баланса гласных, и в ряде областей о былом распространении баланса свидетельствуют только памятники. Такое исчезновение баланса представляется естественным развитием после удлинения краткосложных форм, когда исчезают фонологические условия распределения балансных форм. Баланс «лексикализуется», и создаются лучшие предпосылки для аналогического выравнивания окончаний глаголов и существительных в пользу наиболее частотных исконных долгосложных форм (*vita* — *bi:te*, или *vitå* — *bi:ta* > *ve:ta* — *bi:te*, или *ve:tå* — *bi:ta* > *ve:te* — *bi:te*, или *ve:ta* — *bi:ta*). Нет баланса гласных ни в датском, ни в исландском, ни в фарёрском, ни в южных и западных норвежских диалектах, ни в южношведских и западноётских диалектах, ни на Готланде. Соответственно, нет и следов баланса гласных в древних памятниках из этих областей.

Несмотря на то что свидетельства о балансе гласных в скандинавском ареале находят не раньше XIV в., причем они встречаются только в определенном ареале (см. выше), еще А. Кокк высказал

²⁰ *Noreen A.* Altschwedische Grammatik mit Einschluß des Altgutnischen. Halle, 1904. S. 128–129.

²¹ *Seip D. A., Saltveit L.* Op. cit. S. 274, 375–376.

²² *Hægstad M.* Gamalt trøndermaal. Kristiania, 1899. S. 64–65.

²³ *Wessén E.* Op. cit. S. 42.

предположение о том, что баланс мог быть общескандинавским²⁴. Развил это предположение Б. Хессельман, который полагал, что раньше баланс гласных был характерен для всех германских языков. Он сравнивает скандинавский баланс гласных с разной судьбой безударных *i* и *u* после краткого и долгого слогов в додревнеанглийский период, ср.: *giest* < **gastiz*, но *wini* < **ueniz*, *fôt* < **fôtus*, но *sunu*; *heall* > **hallū*, но *giefu** < **gebū*, *fêt* < **fōti*, но *hnyti* < **hnuti*²⁵. После долгого слога *i* и *u* отпадают, после краткого слога — сохраняются, что частично соответствует состоянию скандинавских диалектов с балансной апокопой (*tala* — *kast* < *kasta*). Подобные же явления sporadически можно обнаружить и в древнесаксонском. Явления, похожие на баланс гласных, Б. Хессельман обнаруживает и во фризском диалекте Вангероох (*Wangeroog*)²⁶. Однако далеко не все германские языки обнаруживают явления, сходные со скандинавским балансом гласных. Нет следов баланса в готском и древневерхненемецком. Нет следов баланса в старших рунических надписях. В младших рунических надписях несовершенство футарка не позволяет судить о наличии или отсутствии баланса. Нет баланса ни в самом архаичном из древних скандинавских языков — древнеисландском, ни в самом изменившемся из древних скандинавских языков — древнедатском. Все это свидетельствует о том, что баланс гласных вряд ли был общегерманским или даже общескандинавским явлением. Он мог, по-видимому, развиваться независимо в разных областях, причем иметь свои особенности в каждой из них. Особенности североскандинавского баланса гласных по сравнению, в частности, с древнеанглийским является не только то, что основным действующим лицом скандинавского баланса является *a*, которое в древнеанглийском исчезло и после краткого слога, *a*, прежде всего, тип баланса с удлинением закорневого слога — явление уникальное в истории германских языков.

В литературе последнего времени утвердилось мнение о том, что баланс гласных — это «своеобразная внутренняя североскандинавская инновация»²⁷. Центром распространения этой инновации оказываются Трэнделаг в Норвегии и прилегающие к нему

²⁴ *Kock A.* Op. cit. S. 87–88.

²⁵ *Hesselman B.* Huvudlinjer i nordisk språkhistoria. S. 34.

²⁶ *Ibid.* S. 36.

²⁷ *Torp A.* Op. cit. S. 19, 55–57; *Riad T.* Structures in Germanic Prosody. Stockholm, 1992. S. 191–195.

диалекты в Швеции. Вопрос о том, почему вообще появился скандинавский баланс гласных, и именно на конкретной территории, и чем можно объяснить особенности скандинавского баланса гласных, прежде всего удлинение заударных гласных после кратких слогов, обычно оставался без ответа. К. Виик высказал предположение о финноугорском происхождении германского баланса гласных в соответствии со своей идеей о финноугорском субстрате в прагерманском²⁸. К сожалению, К. Виик выдвинул эту идею в самых общих чертах и, как и многие свои другие идеи, оставил неразработанной. Как было сказано выше, баланс гласных вряд ли был общегерманским. В Скандинавии он характерен только для северо-восточного ареала, где, как показывают памятники, он появился не раньше XIV в. Не упоминает Виик и особого скандинавского баланса с удлинением закорневого гласного. Однако само предположение о возможной причинно-следственной связи между финноугорским и германским балансами кажется мне плодотворным, только на место финноугорского следует поставить саамский, а на место германского — северо-восточноскандинавский ареал.

В 1980 г. я высказал предположение о том, что скандинавское качественное выравнивание (*tilljämning*) является продуктом саамской интерференции и связано с саамской метафонией, с одной стороны, а также и о связи скандинавского выравнивания с правилом выделения биморного комплекса, т. е. с балансом гласных, — с другой²⁹. Однако напрашивающегося вывода о возможном саамском влиянии на развитие скандинавского баланса гласных я тогда не сделал. Теперь мне хочется восполнить этот пробел. Чтобы понять, каким образом саамский повлиял на развитие скандинавского баланса гласных, необходимо подробнее рассмотреть просодическую структуру саамских языков.

²⁸ *Wiik K.* 1) *The Baltic Sea Prosodic Area Revisited // Itämerensuomalainen kulttuurialue — The Fenno-Baltic Cultural Area / Ed. by Seppo Suhonen. Helsinki, 1995. S. 75–90 (Castrenianumin toimitteita 49); 2) The Uralic and Finno-Ugric Phonetic Substratum in Proto-Germanic // *Linguistica Uralica*. 1997. XXXIII. 4. S. 258–280.*

²⁹ *Кузьменко Ю. К.* 1) *Взаимодействие диалектов и фонологические изменения (развитие систем гласных в скандинавских диалектах) // Взаимодействие лингвистических ареалов. Л., 1980. С. 152–154 (карта на с. 134); 2) Истоки скандинавской метафонии (о саамском влиянии на скандинавские диалекты) // *Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Язык и этнос. Л., 1982. С. 44–50.**

Баланс гласных в саамском

В современных саамских языках очень сложная система сегментной просодики, осложненная существованием чередования ступеней. В наиболее просодически архаичных диалектах есть краткие ударные слоги (слабая ступень), сочетание краткого гласного и краткого согласного, долгие и сверхдолгие слоги. Такое состояние характерно и для северосаамской литературной нормы. Именно краткосложный тип является для нас самым важным при поисках истоков скандинавского баланса гласных. В большинстве северосаамских диалектов и в лулесаамском диалекте в двусложных краткосложных словах находят «определенную гармонию между количеством гласного ударного и безударного слогов <...> Первые два слога слова должны вместе всегда иметь примерно равное количество»³⁰. Это означает, что если первый слог в двусложных словах долгий, то второй короче первого, а если первый слог краткий, то второй долгий. Хотя такое соотношение не вполне точно отражает соотношение количества в северосаамском, где после долгого слога возможны и долгий, и краткий слоги, однако после краткого слога возможен только долгий слог, т. е. здесь невозможны два кратких слога подряд. К. Нильсен, описавший диалект Полмака, отмечает, что после краткосложного корневого слога второй слог долгий и имеет довольно сильный побочный акцент, ср., например: *mañā:m* «я иду», *loŷā:m* «я пишу»³¹. Многие слова имеют в этом диалекте разные формы сегментной просодики, различающиеся соотношением количества корневого и закорневого слогов.

После долгого и сверхдолгого слога	После краткого слога
а	ā
<i>spiht̪t̪ša</i> «кнут»	<i>spit̪šā</i> (род./вин.)
<i>riht̪ta</i> «капкан»	<i>riđā</i> (род./вин.)
<i>dahkka</i> «делает»	
<i>dāya</i> «делай»	<i>daŷām</i> «делаю»
<i>siht̪ta</i> «желает»	<i>siđām</i> «желаю»

³⁰ *Nielsen K.* Die Quantitätsverhältnisse im Polmaklappischen. Helsingfors, 1903. S. 188.

³¹ *Ibid.* S. 14.

После долгого и сверхдолгого слога	После короткого слога
u	ū
laD:Du «свинец»	lajū (род./вин.)
gihppu «боль»	givū (род./вин.)
man:nu «ход»	manū (род./вин.)
gohtšu (род./вин.)	gotšū «сажа»
i	ī
had:di «цена»	haDīn (ком.)
jahkki «год»	jaγī (род./вин.)
fag:gi «деревянный крюк»	faGīn (ком.)
dil:li «положение»	dilī (род./вин.) ³²

Правило долгого гласного после короткого (слабого) корневого слога в данном случае полностью соответствует правилу архаичных шведских диалектов с окситонезой и удлинением гласного после короткого корневого слога. Сходство саамского баланса со скандинавским становится еще сильнее, если мы примем во внимание, что долгие *a'*, *i*, *u*: после короткого слога в диалекте Полмака являются рефлексами исконных долгих *a*:, *e*:, *o*:³³, т. е. после исконного короткого слога происходило их повышение, ср. соотношение широких и узких закорневых гласных в среднескандинавских памятниках с балансом гласных. Причем существование типа «долгий + долгий» (*āhrīn* «сила», ком., *vūhrīn* «узкая бухта», ком.) свидетельствует о фонологичности чередования кратких и долгих гласных в заударном слоге.

Тенденция к генерализации просодического типа с закорневым долгим гласным после корневого короткого слога (слабая ступень) характерна и для северосаамской литературной нормы, ср. формы типа *ola:n*, «протягиваю», *mana:n* «иду», *alá:s* «ввысь»³⁴. Т. Магга, проводя инструментальные исследования говора Каутокейно, установил, что последовательность из двух кратких слогов характерна только для императивов типа *bija* «положи», *mana* «иди», *daga* «делай», *boга* «ешь», *loга* «читай», *huma* «говори» (в говоре Полмака, по данным Нильсена, императивы не отличались от остальных слов,

³² *Nielsen K.* Op. cit. S. 38–71.

³³ *Ibid.* S. 281.

³⁴ *Bartens H. H.* Lehrbuch der saamischen (lappischen) Sprache. Hamburg, 1989. S. 41–42; *Nickel K. P.* Samisk grammatikk. Oslo, 1990. S. 13–14.

ср. выше *dāya* «делай»). В других случаях в говоре Каутокейно в закорневом слоге, после короткого корневого слога всегда стоит долгий гласный: *velá* /*velaa*/ «дальше», *vesá* /*vesaa*/ «молодое дерево», *bahá* /*rahaa*/ «плохой», *olu* /*oluu*/ «много», *lusa* /*lusaa*/ «близко»³⁵. Здесь, так же как и в диалекте Полмака, возможны долгие гласные и после долгих слогов, ср., например: *dolla* /*tollaa*/ «огонь», *gussa* /*kussaa*/ «корова», *dinii* /*tiinii*/ «заработал», *alud* /*aaluus*/ «нарост на дереве»³⁶, но после долгих и сверхдолгих слогов возможны и краткие слоги, а после кратких ударных слогов возможны только долгие гласные. Т. Магга, подчеркивая связь количества корневого и закорневого слогов, полагает, что в диалекте Каутокейно основной просодической единицей оказывается не сегмент и даже не слог, а бисиллабическая последовательность, состоящая из вокалического центра, консонантного центра и латуса (закорневого слога)³⁷. Именно эта бисиллабическая структура и является областью действия саамского баланса гласных.

В южносаамских диалектах нет кратких слогов, как нет и чередования ступеней. Исконные краткие слоги здесь удлинились, и все корневые слоги имеют одинаковое количество³⁸. Такая система напоминает сегментную просодику современных скандинавских языков кроме датского, однако в отличие от скандинавских языков, где есть только два типа долготы для ударного слога с количественной вершиной на гласном и на согласном, в южносаамском есть три типа долготы для ударного слога. Е. Лагеркранц, назвавший такое состояние законом контрастной корреляции количества, считал, что этот закон характерен и для восточносаамского, где сохраняется чередование ступеней, и даже для протосаамского³⁹. Вероятнее, однако, то, что закон контрастной корреляции количества, открытый Лагеркранцем при изучении им южносаамских диалектов⁴⁰, характерен только для тех диалектов, где нет кратких корневых слогов. В южносаамском, как известно, исконные краткие слоги удлинились, как

³⁵ *Magga T.* Duration in the quantity of bisyllabics in the Guovdageaidnu dialect of North Lappish. Oulu, 1984. S. 22–23.

³⁶ *Ibid.*

³⁷ *Ibid.* S. 150.

³⁸ *Bergsland K.* Røros-lappisk grammatik. Et forsøk på strukturell språkbeskrivelse. Oslo, 1946. S. 13.

³⁹ *Lagerkrantz E.* Strukturtypen und Gestaltwechsel im Lappischen. Helsinki, 1927. S. 15.

⁴⁰ *Lagerkrantz E.* Sprachlehre des Südlappischen nach der Mundart von Wefsen. Kristiania, 1923. S. 148.

в скандинавских языках. В саамских диалектах с сохранившейся краткосложностью, как, например, в описанном выше диалекте Полмака, этот закон контрастной корреляции количества не действует. Здесь мы сталкиваемся с иной просодической закономерностью — полной или частичной взаимозависимостью количества в двусложном комплексе (см. выше): чем дольше первый слог, тем короче второй. Е. Лагеркранц отмечает существование корреляции выравнивания между консонантизмом корня и вокализмом второго слога, особенно характерным для восточносаамских диалектов⁴¹. В нотозерском диалекте в двусложных словах существует абсолютная изохрония форм *pàlla* «песец» (им. п. ед. ч.), *pálla* (род./вин. п. ед. ч.) и *pal'la* (иллат. ед. ч.), которые количественно равноценны. Гласный /a/ закорневого слога сильно редуцирован и превращается в шва в словах с двухвершинной геминатой (*pal'la*), незначительно ослаблен в словах с долгим согласным (*pàlla*) и сохраняет свое полное количество и качество в словах с кратким согласным (*pálla*)⁴².

Изохрония двусложного комплекса в саамском должна была появиться вместе с появлением чередования ступеней (краткие слоги в слабой ступени), которое в свою очередь не моложе протосаамского периода.

Соотношение саамского и скандинавского балансов

Сравнение двусложных комплексов в саамском и северскандинавских диалектах показывает их значительное сходство. В принципе подобное сходство можно было бы попытаться объяснить случайным совпадением, тем более что похожие на баланс гласных явления можно наблюдать и в истории английского языка, и в одном фризском диалекте. Однако сходство североскандинавского и саамского балансов не ограничивается географической близостью и определенной зависимостью количества первого и второго слогов. В саамских диалектах с сохранившейся краткосложностью первого слога происходит удлинение второго слога, что полностью соответствует аналогичному удлинению в архаичных скандинавских диалектах и

⁴¹ Lagerkranz E. Strukturtypen und Gestaltwechsel. S. 419.

⁴² Сенкевич-Гудкова Б. Б. Закон контрастной корреляции количества и его влияние на систему фонем нотозерского диалекта саамского языка // Исследования по фонологии / Ред. С. К. Шамян. М., 1966. С. 369–371.

коренным образом отличает североскандинавский баланс от тенденций к балансу в других германских языках. Если какая-либо инновация выделяет группу языков среди родственных языков, но соответствует соседним неродственным языкам, то, естественно, возникает предположение о влиянии языкового контакта. Если же мы примем во внимание, что кроме географической близости баланс в саамском намного старше скандинавского баланса, баланс гласных характерен для других финноугорских языков, функционально связанное с балансом качественное выравнивание (*jamning*) в североскандинавском ареале, скорее всего, имеет саамское происхождение (см. выше) и еще одна необычная для германских языков североскандинавская изоглосса (характерное особенно для Трёнделага и средней Швеции удлинение согласных) также связана с саамской интерференцией, то предположение о саамском источнике североскандинавского баланса гласных не может показаться слишком смелым.

Механизм саамской интерференции при заимствовании баланса гласных выглядел так. Поскольку в саамском не было краткосложных двусложных слов, а краткость первого слога предполагала долгий гласный во втором слоге, то естественно, что в скандинавской речи саамов исконные скандинавские слова, состоящие из двух кратких слогов, претерпевали просодическое изменение и превращались в слова с долгим гласным второго слога (*tala* > *tala:*). Два других типа двусложных слов в скандинавских языках (*kasta*, *bi:ta*) имели соответствие в саамском, поэтому в скандинавской речи саамов они остались без изменения. Таким образом, система трехморных слов с долгим гласным после краткого ударного слога, характерная, как показывает изменение *tala:* > *talå* для большого северо-восточного скандинавского ареала, сложилась вначале в скандинавском языке саамов (интерференция). Распространению такого изменения способствовало то, что оно фактически являлось генерализацией единой трехморной модели для всех двусложных слов. Возможно, что и следующий этап изменения просодической системы северо-восточноскандинавского баланса — редукция третьей моры и появление ударных биморных комплексов — был связан с саамским влиянием (ср. особенно систему баланса в современных восточносаамских и южносаамских диалектах). Однако в данном случае нельзя исключить и самостоятельного развития, которое было предопределено существованием слов типа *tala:* > *talå*: с долгим закорневым гласным.

Вместе с тем предположение о саамском источнике скандинавского баланса ставит ряд вопросов. Наиболее ярко скандинавский

баланс проявляется в областях бывшего контакта южных саамов со скандинавами, в частности в Трэнделаге и в восточной Норвегии, а также в Даларне, Емтланде, Херьедалене в Швеции. Именно в современных южносаамских диалектах сейчас нет краткосложных первых слогов, но возможны три изохронных типа долгосложных слогов. Однако такое состояние было характерно для южносаамских диалектов не всегда. Существование чередования ступеней и, соответственно, исконных кратких ударных слогов было зафиксировано раньше и в южносаамском. Предполагается, что исчезновение чередования ступеней и удлинение слога в южносаамском происходили в XVI–XVII вв.⁴³, т. е. в момент возникновения североскандинавского баланса гласных (XIII–XIV вв.) в южносаамском существовали краткосложность и баланс гласных, соответствующий современному северосаамскому.

Второй вопрос связан с географией распространения типа слов с долгим заударным гласным после первого короткого слога. В современных норвежских диалектах он распространен на южной границе восточнонорвежской области, в северовосточном Телемарке и Гудбрандсдалене. Если предположить, что центр южносаамских контактов в Средние века находился во внутреннем Трэнделаге и близлежащих областях восточной Норвегии и центральной Швеции⁴⁴, то, вероятнее всего, именно здесь появились скандинавские диалекты с балансом гласных (о том, что такой баланс имел вид CVCV, в Трэнделаге свидетельствуют формы типа *båkkå, våttå*, где закорневое *å < a:*; см. выше). В Трэнделаге формы типа CVCV: позднее не без саамского влияния сменились формами с удлинением согласного⁴⁵, в тех же диалектах, куда балансные формы с долгим гласным во втором слоге попали позднее, еще сохраняется архаическое состояние. Остаются два последних вопроса. Каким образом вообще было возможно появление в скандинавских диалектах с чертами саамской интерференции, если саами рассматривались скандинавами как культурно отсталые? Стигматизация саамов со сторо-

⁴³ *Bergsland K.* Lapp dialectal groups and problems of history // *Lapps and Norsemen in Olden Times*. Oslo, 1967. S. 47; *Bergsland K.* Southern Lapp and Scandinavian quantity patterns // *Symposium Saeculare Societatis Fenno-Ugricae*. Helsinki, 1983. S. 85.

⁴⁴ *Zachrisson I.* Möten i gränsland: samer och germaner i Mellanskandinavien. Stockholm, 1997. S. 219, карта.

⁴⁵ *Kusmenko J. K.* Varifrån kommer konsonantförlängningen i öppen stavelse i svenska och norska dialekter? // *Kors och tvärs i nordistiken* / Red. J. Kusmenko, S. Lange. Berlin, 2000. S. 120–132.

ны скандинавов, характерная особенно для последних столетий второго тысячелетия, существовала не всегда. Для эпохи викингов и в Средние века предполагают культурный саамо-скандинавский симбиоз⁴⁶ или по крайней мере «культурное приятие» (*kulturell acceptans*) саамов со стороны скандинавов⁴⁷, что вовсе не противоречит возможности саамской интерференции в скандинавских диалектах. И наконец, второй вопрос, который может возникнуть в связи с предположением о саамском влиянии на скандинавский баланс. В тех областях Норвегии, где сейчас проживает наибольшее количество саамов (северная Норвегия) баланса либо нет, либо он слабее, чем в Трёнделаге и Восточной Норвегии, где сейчас фактически уже нет саамов. В северной Швеции, напротив, баланс гласных гораздо сильнее, чем в северной Норвегии, а саамов сегодня гораздо меньше. Как можно объяснить этот парадокс, если справедливо наше предположение о саамском происхождении скандинавского баланса? Думается, такое положение является именно следствием уменьшения количества саами в областях распространения баланса. Южные саами и значительная часть северных саами в Швеции сменили язык и стали норвежцами и шведами, внося в свои скандинавские диалекты черты саамской интерференции, а саами северной Норвегии в значительной степени сохранили свой язык. Традиционная карта распространения современных саами совсем не отражает количественного соотношения саами. Сегодня на огромной территории южных саами сохранилось только около 2000 южных саами, многие из которых уже не говорят по-южносаамски, тогда как в северной Норвегии есть области с преобладающим саамским населением. В XIV в., в эпоху распространения баланса, происходила скандинавизация южносаамского населения, которая оставила следы в виде баланса гласных, качественного выравнивания (*jamning*) и удлинения согласных.

Если предположение о саамском влиянии на формирование этих трех североскандинавских изоглосс справедливо, то источником важнейших североскандинавских диалектных инноваций, сформировавших северовосточный диалектный ареал, являлась саамская интерференция.

⁴⁶ Zachrisson I. Op. cit. S. 131

⁴⁷ Mundal E. Coexistence of Sami and Norse culture — reflected in and interpreted by Old Norse myths // Old Norse Myths, Literature and Society: International Saga Conference. Sydney, 2000. P. 346–355; Кузьменко Ю. К. О появлении суффигового отрицания в древних скандинавских языках // *Philologica Scandinavica*: Сб. ст. к 100-летию со дня рождения М. И. Стеблин-Каменского / Ред. Б. С. Жаров. СПб., 2003. С. 112–115.

VOKALBALANSENS OPPHAV I SVENSKE OG NORSKE DIALEKTER

Vokalbalansen i svenske og norske dialekter kan betraktes som et samisk interferensfenomen. Den opphavelige formen av nordisk vokalbalanse med betont langvokal etter den korte rotstavelsen tilsvarer fullstendig samisk ordprosodi. Vokalbalansens utbredning er knyttet til sydsamenes skandinavisering i Sentral-skandinavia på 13–1400-tallet. To andre trekk (jamning og konsonantforlengning) som også er karakteristisk for vokalbalansens område har også kommet fra samisk.